

сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В. Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–30.

12. Українська мова : Енциклопедія / Упорядн. В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін. – К. : Українська енциклопедія, 2000. – 750 с.

13. Черкасский, М. А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) / М. А. Черкасский // Паремнологический сборник : Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). – М., 1978. – С. 35–52.

14. Шехтман, Н. А. Лингво-культурные аспекты понимания / Н. А. Шехтман // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 50–59.

Паремнографические источники

1. Вирган І. О. Російсько-український словник сталих виразів / І. О. Вирган, М. М. Пилинська. – Х. : Прапор, 2009. – 864 с.

2. Даль В. И. Пословицы русского народа : Сборник. В 2-х т. Т.1 / В. И. Даль. – М., 1984.

3. Пазяк М. М. Прислів'я та приказки : Природа. Господарська діяльність людини / М. М. Пазяк. – К., 1989. – 480 с.

РУССКО-УКРАИНСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОСКОЛЬСКИХ ГОВОРОВ

Шубина Наталья Григорьевна

(Старый Оскол, Россия)

Оскольские говоры, относящиеся к особой межзональной группе [Захарова, Орлова 1970: 139], представляют значительный интерес в том плане, что их лексическая система отражает как процесс становления и развития южнорусского наречия в целом и ее межзональной группы, так и специфику формирования региональной культуры. В то же время языковые факты рассматриваемых говоров помогают проявить специфику исторического взаимодействия двух родственных языков, функционирующих на сопредельных территориях.

Диалектное слово (в его семантике и фонетическом оформлении) интересно и в историко-лингвистическом плане, так как история слова, отражая развитие народных представлений о мире, всё же в первую очередь позволяет представить исторический процесс развития языка. Так, наименования жилых построек и их частей включают в себя лексические элементы, указывающие на разные этапы и процессы, пройденные и протекавшие в рамках всего русского языка как части славянского языкового ландшафта – от индоевропейского языка через периоды общеславянского и древнерусского языка, через формирование, на основе объединения двух восточнославянских наречий, собственно русского (“великорусского”) языка с его пестрым диалектным ландшафтом, отображающим этно-исторические процессы эволюции русского языка, его духовной и материальной культуры. Например, в оскольских говорах представлена лексика жилых построек, восходящих к общеславянскому языку (*дом, двор, пол, печь, кут, лавка, верх*), в то же время обнаруживается связь с тюркскими языками в таких номинантах, как *анбар, чердак, чулан, сарай*, а лексемы *пунька, клуня* в оскольские говоры были поставлены балтийскими языками.

Одним из источников влияния на оскольские говоры является украинский язык, носители которого активно заселяли территорию Белгородчины [Загоровский 1969, Никулов 1997] и принесли сюда, естественно, элементы своей материальной и духовной культуры, отразившиеся в таких номинантах, как *хата, груба, ко́мната, ко́мнатка, до́ливка, прызбица* и др. В русских говорах Поосколья мы встречаем такие слова, как *мыска, вышня, вышник*. Носители литературного языка, понимая без труда значения таких слов, зачастую характеризуют подобное произношение как неправильное. Но следует обратиться к истории полумягких согласных в древнерусском языке, и мы обнаружим в таком звуковом оформлении следы украинского языка (для которого характерно отсутствие вторичного смягчения полумягких согласных) [Горшкова Хабургаев 1981: 53 - 57].

В Старооскольском районе много населенных пунктов, которые возникли как украинские поселения в XVII—XIX веках. На Белгородских землях расселились две этнические группы — южновеликоруссы и выходцы с Украины. Постепенно под влиянием общих исторических и социальных условий происходила этническая и культурная интеграция выходцев из разных районов России и Украины: происходило обрусению поселившихся на наших территориях украинцев, и в то же время русские приобретали малороссийский облик. Однако население сохраняло специфические особенности в различных компонентах культуры, в том числе и в языке.

Взаимодействие русского и украинского языков отмечалось неоднократно в работах, посвященных этой проблеме [Котков 1970; Солонская 1967; Ляпунов 1968; Кардашевский 1958]. Русские говоры Белгородской, Воронежской, Курской областей стали проводниками украинского влияния на южнорусское наречие, т.к. находясь на территории России, они не испытывали потребности в самосохранении. В то же время исконно украинские говоры, стремящиеся сохраниться в иноязычном окружении, все же осваивали те слова, которые употреблялись в речи русских людей.

Сравнивать лексические системы говоров в целом практически невозможно. Для того, чтобы выявить общность и различие в наборе и функционировании слов, целесообразно проводить сравнение на какой-либо определенной тематической группе слов. Например, тематическая группа «название предметов посуды» или «наименования построек», слова которых в первую очередь выполняют номинативную функцию.

Среди лексем тематической группы “названия посуды” в говорах Старооскольского района встречаются заимствованные из украинского языка. Например, слово чапля (*// Для скаваротки чапля была//*), его можно рассматривать как производное от украинского глагола *чпати* в значении “хватать”.

В наименованиях помещений жилой постройки в русских и украинских говорах встречается словокомн^атка «небольшое помещение в жилой камере, расположенное за русской печью, отделенное от парадной части перегородкой, занавеской или мебелью и служащее спальней». [*Эта комн^атка / теп^ерь-та сп^альня / там две к^ошчки да-сунд^ук у-н^ей / халст^ы мы туд^а склад^али //*]; [*Если стр^оица двойник / тауда и есть комн^атка / за-н^ечку-та // ан^а м^аленьная / жыли-та ск^удна //*].

В говоре с. Городищенами была зафиксирована в указанном значении лишь форма с суффиксом -к- – комн^атка, являющимся формальным показателем семы «небольшой размер».

Особое значение слова комн^атка рассматривает В.И. Даль, отличая данное наименование от его производного по значению: «К^омнатаж. покой, горница, часть дома, отделенная стенами или перегородками; ... В среднем быту к^омнаткаили комн^атка,спаленка, покойчик в боку, в стороне; кладовая, чулан, ком^орка.» [Даль II: 147]. Такое же значение слова комн^аткаотмечается и в соседних русских (с. Знаменка, с. Солдатское), говорах Староосколья: [*Вот присн^ица сон/мол жан^их пр^идет у-камн^атку и-б^удет чул^ок с-наг^е ст^ягивать / а-жаних^а у-камн^атку н^ельзя пуск^ать / хт^о-зна хараш^о-ли худ^а-ли // Камн^атка-та т^ока сп^али / туд^ы чуж^ыи-та не-быв^ают //*] (Знам.).

Наименование комн^атка в его данном акцентологическом оформленииявляется производным от украинского слова к^имн^ата, которое хорошо известно в генетически украинских говорах, например, в говоре соседнего хутора Петровского: [*П^олык був в комн^ате/ Стовб^ы забыв^алы и-д^оскы кл^алы//*].В отличиеотобщепринятого русского акцентологического варианта, вариант комн^атапринадлежит исключительно системе диалектного языка и отмечается во многих южнорусских говорах, подвергающихся влиянию украинского языка [Денисевич 1959: 107].

К^омната и комн^ата - заимствования из одного источника [Фасмер II: 304], однако пути проникновения в лексику национального русского языка у

данных лексем различны. Русский литературный язык заимствовал название средненижненемецкого языка, где ударение было на начальном слоге, как показывают формы *kemmet*, *kommet*. А.Г. Преображенский отвергает заимствование этой формы из польского, поскольку противоречит ударение [Преображенский]: 380]. Иной путь у диалектной формы: она заимствована через украинский язык именно из польского [Фасмер II: 304]. В русском говоре, возможно, произошла лексикализация акцентологического варианта: фонетическое различие перестало быть явлением фонетической системы и стало восприниматься носителями диалекта как различие на лексическом уровне.

Освоение украинизмов по-разному шло в лексических системах отдельных говоров. С одной стороны, слова украинского языка вошли в лексику русских говоров и хорошо известны в исконно русских селах. Например, слова *макитра*, *чапля*, *цыбор*, *припечек* отмечены во многих населенных пунктах Поосколья. С другой стороны, у заимствованных слов в разных говорах отмечается расхождение в семантике. Например, слово *макитра* зафиксировано во многих населенных пунктах Старооскольского района, но в одних населенных пунктах оно употребляется в значении “специальная посуда для приготовления кваса” (с. Верхнечуфичево), в других – в значении “глиняная посуда для приготовления или обработки в печи жидких и полужидких блюд, продуктов” (с. Городище), в третьих – в значении “глиняная посуда для замешивания теста” (х. Петровский, с. Обуховка). Как показывают наши наблюдения, лексические заимствования из украинского языка вызвали в лексической системе русских говоров процессы, формирующие синонимию, полисемию, омонимию, в том числе и междиалектные разновидности.

В настоящее время активное изучение русских народных говоров способствует не только сохранению ценнейшие сведения о развитии русского языка, но и помогает ответить на многие вопросы, связанные с историей

народа, взаимоотношениями славян с другими народами, помогает решить многие историко-культурные загадки. Всестороннее исследование каждого говора дает реальное представление не только о внутренних языковых процессах, так и о внешних социальных факторах, которые, взаимодействуя, определяют развитие национальных языков. Если же учесть, что именно на территории современного Поосколья пролегает значительный отрезок северо-восточного пограничья русско-украинской этно-языковой территории, важность диалектологического изучения этой местности и для украинского, и для русского языкознания возрастает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. — М.: Высш. школа, 1981. — 359 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956.
3. Денисевич Г.В. К истории образования говоров с украинской основой на Курско-Белгородской территории // УЗ Курского пединститута (гуманитарный цикл). вып. IX. — Курск: КГПИ, 1959. — С. 90-94.
4. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж: изд. Воронежского университета, 1969. — 304 с.
5. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2004. —176 с.
6. Кардашевский С. М. О лексике курско-орловских говоров, общей с украинской и белорусской // Уч. зап. Московского областного педагогического института, т. 48., Труды кафедры русского языка, вып. 4. — М., 1957. — С. 62- 152.
7. Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI-XVIII веков. М.: Наука, 1970. — 315 с.
8. Ляпунов Б.М. Древнейшие взаимные связи русского и украинского народов и некоторые выводы о времени их возникновения как отдельных лингвистических групп // Русская историческая лексикология. — М.: Наука, 1968. — С. 163–202.
9. Никулов А.П. Старый Оскол. (Историческое исследование Оскольского края.) — Курск: ГУИПП «Курск», 1997. — 576 с.

10. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. – М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1959.

11. Солонская Г.Т. Украинские говоры Воронежской области. Автореф. дисс...канд. филол.наук. – Харьков, 1967. – 26 с.